

В комнате была всего одна постель, и Су Цзюгуй устроился на ней, скрестив ноги.

Чжубай у стола крутил в руках только что купленные безделушки. Игрушечные ветряки, цветочные венки, бумажные тигры — сущие детские забавы. Но дракон в душе оставался ребенком: возился со всякой чепухой, искренне радуясь каждой мелочи — точно так же, как и в детстве.

Не будь у Су Цзюгуя сейчас тела десятилетнего ребенка, он бы на миг поверил, будто они все еще на горе Великой Чистоты.

— Ляжешь со мной? — спросил Су Цзюгуй.

От этих слов Чжубай едва не прикусил язык. Су Цзюгуй в его воспоминаниях был совсем другим — величественным, строгим, а этот... этот вел себя возмутительно бесстыдно.

— Будто ты никогда не спал в моей постели, — Су Цзюгуй слегка прищурился, решив немного поиздеваться над бывшим учеником.

Маленьким Чжубай жутко боялся темноты и вечно прибегал в его покои. Теперь-то он вырос и, конечно, не желал поминать былые глупости.

— Я чту приличия и знаю правила, — процедил Чжубай сквозь зубы.

— Но ты ведь назвал себя моим отцом? — бесстрастно отозвался Су Цзюгуй.

—...

Чжубай холодно усмехнулся.

— Куда мне до отца, — в его голосе проскользнул лед. — Я прекрасно помню, за что меня вышвырнули из ордена. И уж поверь, я знаю, что такое держать дистанцию.

Он с особой горечью выделил последние слова, словно одно прикосновение к Су Цзюгую могло его осквернить.

На сей раз промолчал сам Су Цзюгуй. Чжубай все помнил до мельчайших подробностей, а вот его собственная память хранила лишь пустоту.

За что он изгнал Чжубая? Мирские толки твердили о нарушении некоего нерушимого запрета, но какого именно — никто толком не знал. Одни шептались о предательстве, другие — о попытке покушения на жизнь наставника.

Лу Юньцзи баловал Чжубая без меры. Многие шептались, что учитель попросту сгубил талант излишним потворством. Но почему после стольких лет слепой любви он выжег на теле ученика карающую печать и выставил вон, не заботясь, выживет ли тот в жестоком мире?

Зачем? Что же между ними произошло?

Виски обожгло острой, как от укола иглы, болью. Су Цзюгуй чувствовал, что от него по-прежнему ускользает нечто невероятно важное.

Но глядя, как отчаянно Чжубай избегает любой близости с ним, Су Цзюгуй начал смутно догадываться о сути.

Сейчас они находились в зыбком пространстве сна. Стоит ему проснуться, и он исчезнет, словно глиняный бык, растворившийся в бурном море. Чжубай вряд ли сможет отыскать его в толпе.

Лучшего момента, чтобы вывести правду, не представится.

Чжубай находился в самом сердце тех событий. И вместо того чтобы собирать чужие сплетни, Су Цзюгуй решил спросить напрямую.

— Скажи... была ли у нас с тобой любовная связь?

— Кха!..

Чжубай поперхнулся воздухом, решив, что ослышался. С нескрываемым потрясением он уставился на Су Цзюгуя, не веря, что подобные слова могли сойти с уст его наставника.

Но Су Цзюгуй, казалось, вовсе не ведал человеческого смущения. Сейчас, лишенный былого величия, он выглядел даже равнодушнее, чем при жизни. Спросил прямо в лоб, без тени сомнения — словно поинтересовался, не должен ли ему денег.

Перед глазами Чжубая невольно всплыл образ той наглой лисицы с реки Небесной Воды.

Лицо дракона темнело с каждой секундой. Глядя на него, Су Цзюгуй понял: реальность куда непригляднее его догадок. Иначе откуда бы взяться этой глухой, всепоглощающей злобе?

— Я спал с тобой? — с легким сомнением уточнил Су Цзюгуй.

Раздался глухой стук.

Пиала выскользнула из пальцев Чжубая и покатилась по столу. Чай выплеснулся, залив расстеленный платок с вышитыми уточками-мандаринками, и ткань потемнела от влаги. Мокрое пятно расплзлось на глазах, превращая изящных птиц любви в грязных болотных уток.

Су Цзюгуй нахмурился. Ошибись он — и Чжубай тут же швырнул бы ему в лицо гневное опровержение. Но тот молчал. Ни возражений, ни оправданий. Лишь искажившееся лицо человека, которому безжалостно наступили на старую мозоль.

"Неужели я действительно спал со своим учеником? А потом бросил его на произвол судьбы? Значит, запрет нарушил не Чжубай, а я сам? И его изгнание — лишь попытка замаять скандал, когда старейшины горы Великой Чистоты прознали о грехе?"

"Нет, не сходится. Если бы я по-настоящему любил его, то нашел бы способ уберечь. Спрятаться за спинами старейшин и пожертвовать возлюбленным — не в моих правилах."

"Что же тогда стряслось на вершине? Это как-то связано и с Чжубаем, и с Поглощающей Бездной. Какая ошибка могла стоить Лу Юньци столь страшной кары, что его приговорили к грозовому наказанию? Всё зашло так далеко, что ордену Великой Чистоты пришлось запечатать гору..."

Чжубай поднял на него ледяной взгляд.

— Ты совсем ничего не помнишь?

— Лишь обрывки, — кивнул Су Цзюгуй. — Всё слишком смутно.

В его сознании сохранились лишь крупницы далекого прошлого — например, детство Чжубая. Но в этих воспоминаниях его ученик так и оставался испуганным маленьким мальком.

Чжубай горько усмехнулся. Он лениво подтолкнул пальцем опрокинутую пиалу, заставляя ее упрямо крутиться по кругу, словно неваляшка, которая никак не может принять вертикальное положение.

Он просчитал сотни исходов их встречи, но даже предположить не мог, что Су Цзюгуй попросту лишится памяти.

С тихим стуком пиала замерла под ладонью дракона. В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина.

Когда Чжубай вновь взглянул на него, на его губах играла странная, пугающая улыбка.

— Как занятно.

Забавно, до безумия забавно. Человек, лишивший его всего, беззаботно позабыл о содеянном, в то время как сам Чжубай нес это бремя каждую секунду своей жизни.

Су Цзюгуй всматривался в это чужое, хищное выражение лица. Ни следа привычной мягкости — лишь надменный излом бровей и раздевающий, оценивающий взгляд. Казалось, в этой телесной оболочке затаился кто-то совсем иной. Некто безжалостный и незнакомый.

— Ну так что, вернемся к делам? — резко сменил тему Чжубай. — Заметил что-нибудь подозрительное?

Раз уж дракон решил похоронить этот разговор, Су Цзюгуй не стал настаивать. Если он действительно когда-то лишил невинности собственного ученика, а после предал его, беречь старые раны было бы верхом жестокости.

— Город кажется совершенно обычным, — ответил Су Цзюгуй.

Здесь все дышало покоем, прохожие улыбались и приветствовали друг друга. Но в мире кошмаров излишнее дружелюбие — самый верный признак опасности. Ловушка не станет щелкать зубами раньше времени, она затягивает жертву в теплую, усыпляющую негу.

Кошмар соткал иллюзию безмятежности. За все время на них не напала ни одна тварь. Су Цзюгуя просто хотели утопить в этом ласковом, обманчивом омуте. Обычные чары усыпления разума. В таком Городе между Облаками хочется остаться навсегда. Забыть о мирских тревогах, осесть в тихом уголке... Тот, кто поддастся этому искушению, уже никогда не вернется в реальность.

Чжубай кивнул, соглашаясь с его выводами.

— И каков твой план?

— Лечь спать, — коротко бросил Су Цзюгуй.

— Уснуть внутри чужого наваждения? — Чжубай нахмурился. — Если провалишься еще глубже, я не смогу тебя вытащить. Моих сил не хватит.

С нынешнего, верхнего пласта сна Чжубай при худшем исходе мог вырвать его силой, пусть даже Су Цзюгуй после этого лишился бы рассудка. Но если он погибнет на самом дне кошмара, его хрупкая, едва удерживаемая в мире живых душа просто развеется без следа. Никакое драконье могущество не успеет прийти на помощь.

— Знаю, — бесстрастно отозвался тот.

— Еще раз предупреждаю: смерть в этом сне станет для тебя настоящей.

— Беспокоишься обо мне? — Су Цзюгуй в упор посмотрел на собеседника.

Чжубай тихо, глухо рассмеялся.

— Вовсе нет. Просто твоя безвременная кончина лишит меня отличного развлечения.

Су Цзюгуй нахмурился. Значит, этот безумный дракон видит в нем лишь забавную игрушку.

— Засыпай, — добавил Чжубай, опираясь подбородком на ладонь. — Я побуду рядом.

Боль в висках вспыхнула с новой силой. Су Цзюгуй показалось, что эти слова он уже слышал. Точно так же говорил... Сяобай.

Сходство между взрослым драконом и маленьким змеенышем становилось все очевиднее. Он и прежде подозревал неладное. Кем же они приходятся друг другу?

— Чжубай, — Су Цзюгуй вгляделся в бездонные черные глаза напротив. — Скажи, ты ничего не терял в последнее время?

Принадлежит ли Сяобай этому великому дракону? И знает ли сам Чжубай о его существовании?

— М-м? — дракон кокетливо склонил голову. В его темных глазах заплескали искры. Тщеславные по своей природе драконы обожали блистать, привлекая всеобщее внимание подобно павлинам, распускающим хвост.

Чжубай на миг растерялся, но тут же расплылся в ленивой ухмылке. Он картинно прижал ладонь к груди.

— Ах, точно. Кажется, я потерял свое сердце.

Из его уст это прозвучало пошло и фальшиво — точь-в-точь как заигрывания праздного повесы с невинной девицей.

— Если найдешь его, — Чжубай игриво вскинул брови, — будь добр, верни владельцу.

—...

Су Цзюгуй мысленно обругал себя за то, что вообще надеялся услышать от него хоть каплю серьезности. Пытаться разгадать помыслы бывшего ученика было делом бесполезным. К тому же у него оставалась важная цель.

— Я сплю, — ровным тоном произнес он.

Он закрыл глаза. Как бы то ни было, в этом зыбком мире кошмаров только присутствие Чжубая дарило ему крупицу истинного спокойствия.

Он подтянул одно колено к груди и откинул голову назад, прижавшись затылком к холодной стене. Сделав глубокий вдох, он замер. Даже в прошлой жизни ему не приходилось совершать столь безрассудных поступков. Погружение в сон внутри сна грозило тем, что его разум навсегда растворится в бездонных пучинах бессознательного.

Глаза закрылись. Спустя мгновение рука, покоившаяся на колене, безвольно соскользнула вниз.

Он уснул внутри собственного сновидения.

— Проснись! Эй, проснись же! — кто-то настойчиво тряс его за плечо.

Разомкнув веки, Су Цзюгуй увидел перед собой испуганное лицо трактирного слуги — того самого, что встретил их у ворот Города между Облаками.

В комнате царил полумрак, свечи давно догорели. Судя по очертаниям мебели, это была все та же комната в постоялом дворе. Сам он по-прежнему сидел на постели, обхватив руками колени.

Мысли ворочались тяжело, нехотя. Они с Чжубаем сняли лучшую комнату, а потом... потом он погрузился в сон.

Су Цзюгуй бросил взгляд на круглый столик. Игрушки все еще лежали там, но цветочный венок давно превратился в сухой серый прах, яркие узоры на бумажном ветряке выцвели, а пиала покрылась плотным слоем пыли. Сколько же времени здесь утекло?

Чжубая нигде не было видно.

— Где тот, кто пришел со мной? — хрипло спросил Су Цзюгуй.

— О ком ты говоришь? — Служка испуганно озирался по сторонам, заламывая руки.

— Мой отец, — поправился Су Цзюгуй. Чжубай так уверенно назвал его родителем перед постояльцами, что те обязаны были запомнить его приметную внешность.

— Да ты никак умом тронулся от сна? — вылутился на него парень. — Ты ведь пришел один!

Су Цзюгуй воспринял это известие на удивление спокойно. Значит, его затея удалась: он провалился на следующий уровень иллюзии, глубже в пучины собственного разума. И этот Город между Облаками уже не имел ничего общего с тем мирным прибежищем, в котором он засыпал.

— Не время болтать! — Служка мертвой хваткой вцепился в его рукав и рванул на себя. — Бежим, скорее!

Ступив на деревянный пол, Су Цзюгуй замер. Его тело изменилось. Он больше не был десятилетним ребенком — теперь он выглядел как юноша лет пятнадцати-шестнадцати. Именно в этом возрасте он, прилежный ученик ордена Великой Чистоты, уже всю постигал основы даосского чародейства.

Он вырос. Кошмар позволил ему вырасти.

"С чего бы наваждению даровать мне зрелость? Неужели тварь решила, что юного послушника убить гораздо проще, чем ребенка?"

— Да очнись же ты наконец! — истошно завопил служка.

Только сейчас до ушей Су Цзюгуя донесся яростный, оглушительный рев снаружи. Трактирщик, видя его оцепенение, в отчаянии махнул рукой:

— Очухался — и ладно! Мне нужно спасти отца, а ты выбирайся сам! Береги себя!

Но кошмар не собирался отпускать их так просто.

Раздался оглушительный треск. Стена здания содрогнулась от мощного удара.

Бам! Бам! Бам!

Трактирный слуга замер, его зрачки сузились до размеров игольного ушка.

— Поздно... — пролепетал он бледными, дрожащими губами. — Оно уже здесь...

Кто?

Су Цзюгуй резко обернулся. За разбитым окном возвышался гигантский силуэт, окутанный клубами удушливой черной скверны. Высота третьего этажа составляла не менее тридцати чжанов, и стоять на таком уровне могли лишь боевые марионетки Армии Таинственных Символов.

Чем огромнее был солдат Армии Таинственных Символов, тем сокрушительнее его мощь. В мирное время для дозора хватало и обычных трехметровых стражей, но чудовища подобного масштаба пробуждались лишь в разгар кровавой бойни.

Сердце в груди Су Цзюгуя забилося как безумное. Память наконец услужливо подкинула воспоминание: времена его юности, когда демоны только пробились к власти и объявили День Резни. И Город между Облаками стал первой жертвой их беспощадного гнева.

Это был не просто вымысел — это была подлинная история, запечатленная кровью. Сам Су Цзюгуй в те годы находился на горе Великой Чистоты и избежал резни, но прекрасно помнил, как один за другим гибли направленные на подмогу даосы, не способные сдержать натиск демонического воинства.

Исполинский манекен приблизился к трактиру. Его затянутые черной дымкой глазища, величиной с доброе окно, медленно моргнули, заглядывая внутрь.

Человеческая природа бессильна перед лицом столь чудовищной угрозы. Бедный служка, никогда не видевший ничего подобного, оцепенел от ужаса, не в силах пошевелить и пальцем.

Смертный казался ничтожным насекомым перед лицом каменного великана. Чудовище медленно протянуло руку к окну — с той же небрежностью, с какой капризный ребенок разрывает муравейник.

Деревянная рама разлетелась в щепки от легкого касания каменных когтей. В пролом протиснулась огромная ладонь, бросая густую тень на испуганных людей и с треском круша мебель.

"Конец... Нам конец..." — билась в голове служки единственная мысль.

Он никак не ожидал, что его жизнь оборвется так нелепо и быстро. Демоническая длань приближалась. Раздавить человека для этого монстра было не сложнее, чем прихлопнуть назойливую мошку.

Парень уже зажмурился, готовясь к смерти, как вдруг чьи-то крепкие пальцы сомкнулись на

его запястье. Су Цзюгуй резко рванул его в сторону — за мгновение до того, как каменные пальцы расплющили постель в щепки.

Открыв глаза, служка обнаружил, что спасен. Юноша двигался на удивление плавно и стремительно, а на его лице не отражалось ни тени страха.

Раздосадованный промахом великан взревел. Одним мощным ударом он снес внешнюю стену постоянного двора. В образовавшийся проем ворвался ледяной ураганный ветер, поднявший тучи пыли и обломков.

Здание зашаталось, готовое вот-вот рухнуть. Служку швыряло из стороны в сторону, словно испуганного цыпленка в запертой клетке. Лишь чудом ему удалось уцепиться за уцелевший дверной косяк.

А спасший его юноша уже заступил ему дорогу. В руках у него была лишь обломанная ножка стола со свисающими щепками, но держал он ее с таким благородством и твердостью, словно это был драгоценный клинок.

— Беги! — из последних сил выкрикнул парень.

Но стоило ему закричать, как исполинская ладонь обрушилась вновь. Черная тень накрыла Су Цзюгуя целиком, готовая похоронить под собой его хрупкое тело.

Юноша даже не вздрогнул. Его стойка оставалась безупречной, а пальцы по-прежнему крепко сжимали обломок дерева. Он лишь слегка нахмурился.

И в тот миг, когда удар должен был размозжить его в порошок, он легко оттолкнулся от пола и взмыл в воздух.

Каменный кулак с грохотом пробил гнилые доски, уйдя глубоко на первый этаж и подняв столб щепок.

Су Цзюгуй приземлился точно на запястье монстра и, используя его мускулистую руку как мост, стремительно взбежал вверх. Он мчался вперед, неуловимый и легкий, словно назойливая ночная бабочка, которую великан никак не мог поймать.

Исполин попытался смахнуть наглеца свободной рукой, но застрявшая в обломках пола ладонь сковывала его движения, лишая былой маневренности.

Прежде чем монстр успел сообразить, Су Цзюгуй уже вскочил ему на плечо. Резкий выпад — и обломок дерева с влажным хрустом вонзился глубоко в левый глаз гиганта.

Завыв от невыносимой боли, великан схватился за ослепшую глазницу и принялся вслепую крушить все вокруг. Качаясь из стороны в сторону, он повалился на соседнюю лавку, превратив ее в груды щебня.

Выдернув свое нехитрое оружие, Су Цзюгуй легко соскочил с плеча бьющегося в агонии исполина и в несколько прыжков перебрался на покатую черепичную крышу стоявшего напротив здания.

Отсюда открывался жуткий вид. Некогда оживленная улица превратилась в сущий филиал преисподней. Три гигантские марионетки планомерно громили квартал за кварталом, сея смерть и пожирая дома очищающим пламенем.

Столь дерзкая вылазка привлекла внимание остальных чудовищ. Одно из них уже разворачивалось в его сторону, тяжело топая по дымящимся руинам.

Светлые одежды юноши пропитались чужой черной кровью, а с обломка ножки стола на черепицу падали тяжелые темные капли.

Су Цзюгуй смотрел на приближающихся тварей сверху вниз, и на его бледном лице горел неистовый, чистый гнев.

Пусть даже он понимал, что эта безжалостная картина прошлого призвана лишь сломить его дух и растерзать в когтях кошмара — смириться с резней он не мог.

Сжав покрепче окровавленный обломок дерева, он вновь ринулся в бой.

<http://bllate.org/book/18298/1755153>